

А. Н. Горбунов. Чосер средневековый. Москва: Лабиринт, 2010. — 335 с.

Выход в свет весной этого года книги А. Н. Горбунова «Чосер средневековый» является важным событием отечественной науки по нескольким причинам. Во-первых, это первая монография на русском языке, посвященная Чосеру, — «отцу английской литературы». Во-вторых, книга охватывает все известное нам творчество Чосера, начиная от ранних стихов и поэм-видений вплоть до незавершенного шедевра — «Кентерберийских рассказов». В-третьих, творчество Чосера помещено в книге А. Н. Горбунова в контекст русской литературы. Вторая часть книги содержит четыре обширные статьи, в которых обсуждаются темы и мотивы «Кентерберийских рассказов» в творчестве Гоголя и Лермонтова, Достоевского и Толстого. Однако название этого раздела — «Мотивы Чосера в русской литературе» — отражает далеко не все богатство его содержания, поскольку упомянутым русским авторам сопутствуют здесь имена Данте и Шекспира, Мольера и Расина, Дефо и Филдинга, Ричардсона, Сервантеса и Диккенса. Все эти великие мастера, рассматриваемые под заданным углом зрения, вступают друг с другом в диалог, и в результате многие грани их творчества предстают объемно и рельефно. Наконец, книга о Чосере написана известным ученым, любящим литературу и пишущим о ней ясным языком, простота которого способна явить глубину и богатство ее содержания. Убежден, что книга будет прочитана с интересом и пользой и «непрофессиональным» читателем.

Первая часть монографии всецело посвящена творчеству Чосера в контексте его эпохи, тщательно воссозданном автором не только в привычном для старших поколений читателей политико-экономическом, но и в культурном, языковом, религиозном и бытовом аспектах. Атмосфера дворов Эдуарда III и Генриха II, покровительство Чосеру могущественного Джона Гонта, ситуация английского двуязычия, номинализм Уильяма Оккама, скептическое настроение позднего Средневековья, «черная смерть» и празднование дня святого Валентина, к истокам которого оказался причастен и Чосер, — все это многоцветие жизни, воплощенное в книгах Чосера, объемлется исследователем сложной метафорой готического собора. Именно в «готической перспективе» (название последней главы части о Чосере) рассматривает А. Н. Горбунов и «недостроенные» «Кентерберийские рассказы», и все творчество Чосера, совмещающее в едином художественном пространстве, подобно собору, горний и дольний планы бытия, которые по принципу гармонической иерархии «сливаются в своей отдельности в диалектике природного и благодатного, профанного и сакрального». В книге

разбросаны содержательные замечания о сути готического стиля, интересные для историка искусства и культуролога.

В начале своего пути Чосер писал куртуазную лирику, во многом подражательную. Но даже в этот ученический период он проявил себя как новатор, приспособив к родному языку традиции французской поэзии. И уже здесь поражает жанровое богатство его поэзии. Вообще жанровая природа творчества Чосера — художника средневекового — находится в центре внимания исследователя и предстает в калейдоскопическом многообразии своих наименований. Большинство из этих жанров тщательно описаны при разборе текстов Чосера, так что монография предоставляет ценный материал для исследователя жанров.

Придворные поэмы-видения Чосера — «Книга о герцогине», «Дом славы», «Птичий парламент», «Легенда о славных женщинах» — составляют материал первой главы. Отличительной чертой этой части (как и всей книги) является скрупулезное воссоздание литературного контекста. «Роман о Розе», Фруассар, Машо и Дешан, Овидий и Бозэций, Петрарка и Боккаччо, Гауэр — вот звенья литературной традиции, частью которой являются поэмы Чосера, две из которых теперь известны русскому читателю благодаря переводам С. А. Александровского. Уже здесь мы встречаем Чосера как личность с его иронией и легким скептицизмом, определяющими атмосферу всего его творчества.

Чосер знаменит прежде всего благодаря «Кентерберийским рассказам»; его второй шедевр — «Троил и Крессида» — известен меньше. Между тем эта поэма (в отличие от «Дома славы» и «Кентерберийских рассказов») была завершена Чосером, так что здесь можно говорить о художественном целом, о воплощенном замысле. По мнению автора монографии, «Троил и Крессида» — «самая совершенная с художественной точки зрения» вещь Чосера. (Отметим попутно, что она была издана на русском языке в конце 1990-х гг. под редакцией А. Н. Горбунова.) Исследователь прослеживает историю и трансформацию сюжета этой поэмы о Троянской войне от Гомера до Боккаччо. На «Филострате» Боккаччо и опирался Чосер, при этом актуальными также оставались другие влияния — «Роман о Розе», Данте и Бозэций. В результате возникло совершенно оригинальное произведение с колоритными персонажами и фигурой рассказчика, с философским, даже религиозным содержанием, одновременно воплощающее и критикующее куртуазную концепцию любви. Такая двойственность отличает и другие инстанции и планы поэмы: ироничного и одновременно простодушного повествователя, сочетание элементов устной и письменной традиции, высокой и разговорной лексики, экспериментальной строфики, сложного синкретического жанра поэмы, которая стала образцом для поколений поэтов. От «Троила и Крессиды» Чосера тянутся художественные пути и к трагедии XVI–XVII вв., и к роману веков последующих.

Структура раздела исследования, посвященного «Кентерберийским рассказам», следует делению самой книги Чосера, так что этот текст можно читать как развернутый ученый комментарий к поэме. Тщательно рассматриваются источники, язык, структура каждого отрывка «Рассказов» и его место в композиции целого. Но главное внимание уделено жанровой природе «Рассказов»,

очевидной далеко не во всех случаях, что требует от исследователя известной проницательности и виртуозности владения жанровой номенклатурой. В результате «Рассказы» полностью оправдывают свое название «энциклопедии жанров»: перед читателем разворачивается объемное и пестрое полотно, подобное гобелену.

Большинству из нас «Кентерберийские рассказы» памятны, наверное, прежде всего благодаря фарсовым сценам фавльо. Серьезные и назидательные истории вроде рассказов Рыцаря или Студента запоминаются хуже. Завершающий же все повествование «Рассказ Священника» и «Отречение» автора в советских изданиях Чосера не печатались вовсе. В книге А. Н. Горбунова (как и в изданной в 1996 г. под его редакцией полной версии «Кентерберийских рассказов») эти неотъемлемые части расположены на своих местах и приняты во внимание. В результате вся книга предстает как произведение с религиозной иерархией ценностей, в своей «готической» универсальной модели вмещающей греховное и благодатное, но выстраивающей все это в должном порядке, тем самым ясно обозначая место греховного в универсуме. Такой смысл и порядок придают «Рассказам» именно упомянутые завершающие части — прозаический трактат о грехе и покаянии и прощальное обращение автора к читателю с просьбой молиться о его душе и выражением раскаяния в «воспевании житейской суеты».

Важнейший мотив «Рассказов» — путешествие. Здесь также воплощается готическая «двойная перспектива»: с одной стороны, рассказчики совершают паломничество, с другой, их настроение и беседы обнаруживают потребность в развлечении, далеки от духовной сосредоточенности. Таким образом, стихийный поток жизни сливается в книге Чосера со странствованием души в поисках Небесного Иерусалима, низменное соседствует с возвышенным и духовным. Возможность такого соединения обеспечивается, как кажется, не только «готической перспективой» книги, но и складом личности ее автора, далекого от всякой «односторонности», искушенного в мирских делах, сумевшего пережить все перипетии большой политики и прожить долгую деятельную жизнь. Все это определяет позицию имплицитного автора «Рассказов», взирающего на мир с отстраненной всепонимающей иронией.

В своей книге А. Н. Горбунов описывает эволюцию научной рецепции Чосера на протяжении столетий, приводит разные точки зрения исследователей, спорит с некоторыми мнениями. Это касается, например, важного вопроса о «реализме» Чосера, который приписывался ему критикой прошлого. А. Н. Горбунов излагает и современную точку зрения на этот вопрос. Мнение самого автора весьма взвешенно и облечено в образную форму; в частности, он сравнивает персонажей Чосера с позднесредневековыми миниатюрами, отличающимися от изображений как романского периода, так и Ренессанса. Книгу А. Н. Горбунова, таким образом, интересно читать как обзор многовековой критики Чосера, многоголосье которой звучит на ее страницах.

«Русская» часть книги А. Н. Горбунова, как мы сказали, не ограничивается отечественным материалом, но выводит читателя на просторы европейской литературы. Каждый раз и Чосер, и разбираемый русский автор встраиваются

в определенный ряд, оказываются частью традиции, в которой их место тщательно выверено. Русские авторы, естественно, находятся в центре внимания и «ведут диалог» прежде всего с Чосером. При этом прямых литературных связей между ними и Чосером не обнаруживается, речь идет о «переключках», о сходстве восприятия. Так, «Мертвые души» и «Кентерберийские рассказы» роднит «вертикально-горизонтальная динамика повествования». Горизонтальный вектор в обоих произведениях воплощается в «кривых дорогах», которыми следуют английские паломники и Чичиков. Но эта земная реальность, по замыслу обоих авторов, постепенно вытесняется и побеждается вертикальной (духовной) составляющей, которая ведет к «небесному Иерусалиму» у Чосера и в «консервативно-романтическую утопию Святой Руси» в незаконченных томах «Мертвых душ». С Толстым, которому посвящена вторая глава раздела, Чосера роднит жизненный принцип покаяния и «отречения» от своих произведений с религиозных позиций («Отречение» Чосера в конце «Кентерберийских рассказов» и «Исповедь» Толстого), а также сложное отношение к традиционному христианству (менее выраженное у Чосера и очень яркое у Толстого) и литературно-творческий интерес к Библии. В третьей главе этой части А. Н. Горбунов прослеживает воплощение мотива «лицемер и его жертва» от «Романа о Розе», через Чосера к Шекспиру («Мера за меру»), Мольеру («Тартюф»), Филдингу («Том Джонс»), Диккенсу («Дэвид Копперфилд») и Достоевскому («Село Степанчиково»). Именно в «Селе Степанчикове» комедийный прежде сюжет обретает трагическое звучание, превращая эту раннюю книгу Достоевского в роман-предсказание и предупреждение, как видится исследователю XXI в. Заключительная статья в этом разделе обсуждает трансформацию темы «господства» в любви и связанный с ней мотив власти и подчинения у ряда авторов. Это Чосер (женщина из Бата), Шекспир («Укрощение строптивой», «Антоний и Клеопатра»), трагедии Расина, роман Прево, «Кларисса» Ричардсона, «Герой нашего времени» Лермонтова и «Игрок» Достоевского. Здесь затрагиваются темы гендерной критики, проблемы столкновения сильных воль внутри семьи или в ситуации принуждения добродетели к пороку, «любви-ненависти», всепоглощающей страсти, байронического «главенства без любви» и опять мучительной поработающей «страсти-ненависти», соперничающей в душе человека с игровой страстью, также всецело лишаящей свободы.

О научной ценности этой части книги А. Н. Горбунова должен судить специалист по русской литературе. Думается, он найдет здесь пищу для размышлений, поскольку Чосер и другие авторы общеевропейской традиции, создающие контекст для русских писателей, помогают сформулировать программные принципы последних, выделить важнейшие проблемные узлы их творчества. Но и любой читатель, для которого русская литература является родной, несомненно, обогатится, прочитав эти главы. Грандиозность невоплощенного замысла «Мертвых душ», суть духовной трагедии Толстого, трагическая серьезность традиционных сюжетов у Достоевского — все это предстает здесь ясно и убедительно.

Таким образом, книгу А. Н. Горбунова отличает универсализм. «Здесь Господне изобилие», — написал о «Кентерберийских рассказах» драматург XVII в. Джон Драйден... То же можно сказать (и с той же долей условности) и

о книге А. Н. Горбунова. Изобразительное искусство, западноевропейская и русская литература, философия и богословие — все оказывается в поле зрения автора, везде его мысль движется свободно и уверенно, раскрывая доступную нам полноту мастерства и жизни Чосера в контексте его времени и последующих веков. Чосер предстает в книге А. Н. Горбунова во весь рост, полномасштабно и «хрестоматийно»: книга (или ее части) может служить и разделом в академической истории литературы, и увлекательно написанным учебником.

«Чосер» А. Н. Горбунова действительно — «средневековый»: жанр, литературная традиция, топос находятся в центре внимания исследователя как важнейшие для Чосера категории. Но «средневековым» является и стиль самой книги, отношение автора к предмету. Его цель — явить свой материал во всем его богатстве и красоте, «я» автора, его личное субъективное видение (так ценное современностью) как бы умалено за счет материала. Автор, так сказать, отступает на задний план, почтительно пропуская вперед Чосера, позволяя ему говорить его собственным полным голосом. Такое исследовательское смирение вкупе с впечатляющей широтой культурного горизонта является примером подлинной научности и помещает книгу А. Н. Горбунова о Чосере в золотой фонд нашего литературоведения.

*А. В. Аксенов
(Москва, ПСТГУ)*

***Morini M. Jane Austen's Narrative Techniques: Stylistic and Pragmatic Analysis.
L.: MPG Books Ltd., 2009. — 163 p.***

Исследование итальянского филолога-англиста Массимилиано Морини «Нарративные приемы Джейн Остен: стилистический и прагматический анализ» отличает современный комплексный подход к интерпретации нарративных приемов в прозе Джейн Остен. Обобщая, аккумулируя и систематизируя наработки нескольких поколений западных лингвистов и литературоведов, занимавшихся изучением повествовательных приемов в творчестве английской писательницы, автор делает ряд интересных текстологических наблюдений и предлагает обстоятельную трактовку ее повествовательной манеры, основанную на современной нарративной теории и постструктуралистском подходе к анализу текста.

Книга состоит из двух разделов, каждый из которых поделен на три главы. Первый раздел посвящен собственно повествованию, второй — диалогу. В ходе исследования автор опирается на весь основной корпус текстов писательницы (составляющий шесть законченных романов) с отдельными отсылками к юношескому эпистолярному роману «Леди Сьюзен» и двум неоконченным наброскам — «Уотсоны» и «Сандитон». Кроме того, для иллюстрации и подтверждения